

DOI 10.33920/nik-01-2407-02

УДК 82.161.1

Фундаментальная антропология Александра Зиновьева: о генезисе Homo Soveticus¹ (культурологический контекст)

Fundamental anthropology of Alexander Zinoviev: on the genesis of Homo Soveticus (cultural context)

© Поляков Леонид Владимирович,

АНО ВО «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского»

Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15

E-mail: leopolen@yandex.ru

Polyakov L.V.,

Doctor of Philosophy, Professor of the National Research University —

Higher School of Economics (Moscow); Russian Christian Humanitarian Academy

named after. F.M. Dostoevsky (St. Petersburg)

E-mail: prozin1959@gmail.com

Статья поступила 15.06.2024.

В статье предпринята попытка реконструировать фундаментальную антропологию Александра Зиновьева, которая не была им самим разработана как отдельная теория. При этом очевидно, что его учение о человеке входит органической частью в социологическую концепцию и в значительной степени интегрировано в исследование коммунизма как реальности. Ключевым для адекватного понимания зиновьевской антропологической доктрины является понятие «коммунальность». Оно описывает такую структуру внутри социума, которая моделирует базовые качества человека в коммунистическом обществе. А. Зиновьев изобретает особый термин для обозначения Человека Советского — «гомосос». Эта разновидность человека есть набор взаимоисключающих свойств, противоречий, парадоксов, казалось бы, исключающих их совмещение в одном индивидуе. Это Дьявол, прикидывающийся Богом, или же Бог, прикидывающийся Дьяволом. И тем не менее гомосос существует, и не только в воображении А. Зиновьева.

Ключевые слова: социомеханика, коммунальность, коммунизм, Гомо Советикус, гомосос.

The Paper is an attempt to reconstruct the fundamental anthropology of Alexander Zinoviev which was not outlined by him as fully developed theory. But nonetheless his teaching on human being is an organic part of his sociology and is integrated in his study of communism as reality. A key notion of the Zinoviev's anthropological "doctrine" is "communality".

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

It describes a specific structure within communist society which determines basic tenets of Homo Sovieticus. Zinoviev for his part creates a new designation for this kind of human species — “gomosos”. This creature comprises all possible contradictions, being Devil under a guise of God, or being God looking like Devil. It does exist and not in Zinoviev’s imagination only, — insists the philosopher.

Key words: Sociomechanics, communality, communism, Homo Sovieticus, gomosos.

«...нет во Вселенной более гнусной твари, чем человек».

А.А. Зиновьев «Живи»

Александр Зиновьев вошел в историю как философ, который еще во времена советской «философской» догматической ортодоксии сумел найти неординарный ракурс в изучении и интерпретации марксизма. Его обращение к «Капиталу» К. Маркса как труду, в котором содержится принципиально новая методология социально-экономического анализа, обозначило важный поворот в марксистской философии в середине 1950-х гг. в СССР. Исследованный А. Зиновьевым гегелевский принцип восхождения от абстрактного к конкретному в его интерпретации К. Марксом открыл новые возможности для развития советской философии в период, когда канонический сталинский текст «О диалектическом и историческом материализме» (1938) перестал восприниматься как альфа и омега философии как таковой.

Сосредоточив свое внимание на интерпретации понятий «абстрактное» и «конкретное», А. Зиновьев в своей диссертации предложил интерпретировать марксизм как прежде всего особую методологию социального анализа. В этом отношении он оказался вполне релевантен процессу возникновения французской структуралистской школы «прочтения» К. Маркса (Л. Альтюссер). А в самой советской философии зиновьевский «поворот» в марксизме открыл перспективы для изучения форм и содержания мышления (М. Мамардашвили), а также для поиска универсальной методологии познания, переходящей в практическое действие (Московский методологический кружок Г. Щедровицкого).

Для самого А. Зиновьева методологический «поворот» во взгляде на марксизм обозначил возможность ухода от философии как идеологии в сферу логики, которая воспринималась как самая безвредная и безопасная из философских дисциплин и преподавалась на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова как логика формальная. Но приход А. Зиновьева и в эту сферу оказался в каком-то смысле революционным. Заниматься формальной (аристотелевской) логикой ему было неинтересно — он поставил себе задачу создать логику не формальную, а, так сказать, содержательную. То есть такую логику, которая становилась бы методологией универсального познания любых форм бытия — прежде всего, конечно, бытия человеческого. Он называл это логикой комплексной или логикой многозначной, и в конечном счете она должна была привести А. Зиновьева к созданию «логической социологии».

Этот амбициозный замысел не мог быть реализован по многим причинам. Во-первых, реальный советский контекст, в котором любая социальная теория вообще, социология в частности, могла существовать только как исторический

материализм. Сталинская статья 1938 г., хотя и не упоминавшаяся советскими философами 1960–1970-х гг. в качестве канона, тем не менее оставалась в качестве непреерекаемого разграничителя философского «поля». Советские философы либо как диалектики занимались борьбой с «метафизикой» в понимании природы, либо как материалисты — борьбой с «идеалистическим» пониманием истории и общества. Особо одаренные и продвинутые в тогдашнем специфическом смысле удостоивались привилегии заниматься «научным коммунизмом».

Владимир Лепехин так комментирует этот момент: «По факту Зиновьев создал мощную концептуальную предпосылку для революции в советской философии, развернув ее — через выстроенную им над- и междисциплинарную связь между логикой, постдиалектикой (обновленной методологией познания) и социологией (включая эмпирические социологические исследования) — в целостную и гармоничную систему. К сожалению, реальной революции в советских философских науках во второй половине XX века не случилось, так как административная машина позднесоветского государства сделала все для того, чтобы подавить в отечественной философии — в том числе и в лице Зиновьева — назревший “знаниевый бунт”» [6, с. 189].

Во-вторых, сам замысел представлял собой грандиозный вызов как с точки зрения социологии, так и с точки зрения логики. Его можно сравнить с кантовской постановкой вопроса о том, как возможны синтетические суждения *a priori*. Ведь для построения валидной социологической теории требовался набор минимальных условий — например, возможность проводить так называемые «социологические опросы», а это в те времена было категорически невозможно и вообще граничило со статьями Уголовного кодекса. Этой тематикой тогда занимался «пионер»-основатель российской индустрии изучения того, что называлось «общественным мнением», Борис Грушин.

Надо отметить, правда, что невозможность заниматься опросами А. Зиновьева как автора идеи «логической социологии» не сильно смущала. Он вполне логично полагал, что социальную логику можно исследовать и открыть, опираясь на собственный опыт проживания в первичных ячейках советского социума — трудовых коллективах. А также с помощью процедуры генерализации, то есть переноса закономерностей, выявленных в функционировании «первичных ячеек», на социум в целом. И как раз в этом месте и возникает потребность в построении фундаментальной антропологии или отрасли социального знания, объясняющего генезис человека советского. Того *Homo Sovieticus'a*, который будет истолкован А. Зиновьевым как прото-человек (*Uhr-Mensch*) и одновременно как Сверх-человек (*Uber-Mensch*).

На самом деле фрагменты того, что называется «логическая социология», можно обнаружить уже в «Зияющих высотах». Не случайно сам А. Зиновьев отмечал, что он изобрел особый жанр — так называемый «социологический роман». Все персонажи «Зияющих высот» оказываются в той или иной степени не столько конкретными людьми, сколько социальными функциями — производными от ролевой «матрицы», заложенной в недоступной для непосредственного наблюдения социальной системе. Обнаружение этой «матрицы» как раз и позволяет А. Зиновьеву выстраивать то, что можно с некоторой условностью

называть фундаментальной антропологией. Не в смысле систематически развитого учения о человеке, а в смысле описания той «основы», из которой вырастают типичные формы человеческого поведения в общественной среде.

Поскольку «Зияющие высоты» — это художественное произведение, хотя и совершенно необычное в жанровом отношении, непосредственного исследования порождающей поведенческой матрицы мы не обнаруживаем. Вернее, в романе все время ощущается ее присутствие, но никто из персонажей не дает ей точного определения. Один из наиболее близких к авторскому альтер эго персонажей романа — Шизофреник. Именно он решается на то, чтобы написать «социологический трактат». Но осуществляется этот замысел с учетом того, что официально разрешенная — временно и лишь в разумных, с точки зрения начальства, масштабах и направлениях» [1, с. 16] — «социология» дает результаты, не соответствующие ожиданиям того же «начальства».

Поэтому, говорит Шизофреник, «я не дерзнул выступить в рамках научной социологии и решил изложить свои соображения в форме особой дисциплины — социомеханики. Выбор названия продиктован тем, что я намерен изложить неисторический взгляд на социальные свойства и отношения людей. Согласно этому взгляду, социальные законы одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления социальных индивидов, позволяющие говорить об обществе. Законы эти просты и в каком-то смысле общеизвестны. Признанию их в качестве законов, которым подчиняется социальная жизнь людей, препятствует социальный закон, по которому люди стремятся официально выглядеть тем лучше, чем они хуже становятся на самом деле» [1, с. 16].

В этом пассаже уже можно увидеть ту проблематику, которая в дальнейшем будет досконально исследоваться А. Зиновьевым в этом и последующих «социологических» романах. А также в его текстах, имеющих статус строго научного характера, несмотря на отсутствие привычного в таких случаях справочного аппарата. Например, в трактате «Коммунизм как реальность» (1980), удостоенном во Франции высшей премии имени Алексиса де Токвиля за лучшую публикацию по социологии.

Во-первых, само определение — социомеханика, которое как бы возвращает нас ко временам Огюста Конта, создававшего «социальную физику». Суть социомеханического подхода в том, чтобы открыть «вечные», как бы независимые от исторического движения законы, управляющие поведением человека в любой социальной среде. Здесь мы видим сознательно брошенный вызов марксизму с его принципом историзма, и этот сюжет А. Зиновьев в дальнейшем специально проработает.

Во-вторых, закон, заставляющий людей казаться лучше именно тогда, когда они становятся все хуже. Проблема, которую можно зафиксировать здесь, касается морального аспекта поведения людей, которые поставлены в такие обстоятельства, при которых практически исключено само понятие морали. Все открываемые социомеханикой законы поведения, как будет установлено в дальнейшем, предопределяют аморализм социальных индивидов, подчиняющихся «матрице». При этом аморализм не в смысле Ницше — не сознательный переход «по ту сторону добра и зла». А аморализм гегелевский, то есть

пребывание в состоянии неведения о том, что есть то, что именуется «Добром» и «Злом». И что главная проблема человека как нравственного существа и заключается в том, что ему приходится при каждом поступке выбирать между этими моральными полюсами.

Почему же люди в аморальном, или, точнее, доморальном, состоянии все-таки хотят выглядеть «лучше»? Объяснение этому феномену может заключаться в том, что нужно признать наличие некоторых ценностных установок, на которые интуитивно ориентируется любой, даже самый, что называется, «отмороженный» социальный индивид. Но где эти установки могут находиться? Если Бога нет, — а А. Зиновьев всегда строил свои концепции на презумпции отсутствия Бога, хотя и требовал Его наличия в гениальной «Молитве верующего безбожника», — то какая инстанция может взять на себя функцию порождения морали?! Притом так, что составляющая сущность моральности ценностная иерархия воспринималась социальными индивидами как реально существующая. И заставляющая хотя бы казаться «лучше», чем ты есть на самом деле.

Ответ на этот вопрос А. Зиновьев дает, следуя логике социальных законов, один из которых заключается в том, что люди стараются выглядеть лучше, чем есть на самом деле, в силу привычки врать. Не иерархия ценностей, образующая сферу моральности, а пребывание в ненаблюдаемой «матрице» создает иллюзию некой моральной оппозиции (кажимость и действительность) внутри социального индивида. Еще один персонаж, отчасти совпадающий с авторской личностью, а именно — Клеветник, утверждает: «Шизофреник абсолютно прав. Общество можно представить как огромное число клеточек, связанных друг с другом и осуществляющих какие-то действия независимо от того, есть в них человек или нет. А люди лишь забираются в эти клеточки (в какие удастся благодаря индивидуальной судьбе) и делают то, что им эти клеточки навязывают» [1, с. 70].

В «Зияющих высотах» эта «матрица», состоящая из огромного числа «клеточек», еще обозначается термином «социальность». Это свидетельствует о том, что А. Зиновьев, создавая свою социомеханику, одновременно прописывает вариант действительно фундаментальной антропологии. Такой концепции, в которой в качестве аксиомы заложена редукция человека к социальной функции, навязанной ему клеточной структурой социума. Тем неожиданнее кажется появление в конце первой книги «Зияющих высот» фрагмента «Мораль абсолютна». Он представляет собой монолог нового персонажа, введенного в повествование А. Зиновьевым, — персонажа под кличкой Посетитель.

«Человек, говорит Посетитель, становится тем, что он есть в нравственном отношении, по собственной воле и по собственному желанию. Нормальный человек имеет перед своими глазами достаточно большое число примеров, чтобы научиться различать добро и зло. Нормальный человек по опыту знает, что такое добро и что такое зло <...> Человек сам несет полную ответственность за свою нравственность. Тот, кто снимает с человека эту ответственность, безнравственен» [1, с. 306].

Нетрудно заметить, что это допущение феномена «нормального человека» существенно противоречит одному из базовых принципов социомеханики, которую пытается построить Шизофреник. В частности, положению, согласно

которому есть только «социальный индивид» с некоторыми параметрами «нормальности». И это означает следующее: «Социальный индивид не зол и не добр. Он просто обладает упомянутыми качествами в той или иной степени» [1, с. 77].

Но как же все-таки А. Зиновьев решает проблему появления морали в обществе «одноклеточных» аморалистов — людей-функций, действующих всегда и везде исключительно в собственных интересах? В одном из фрагментов ближе к концу романа появляется любопытный диалог между Мазилой и Болтуном. Последний заявляет: «Социальным законом является тенденция к неморальным (в смысле — несовестным) поступкам. Что же вынуждает людей к моральным поступкам? Поступки-то добровольные. Люди сами добровольно выбирают их. Даже в ущерб себе. Тут есть два аспекта. Первый — откуда все начинается. Второй — чем поддерживается. Начало есть **случай, мутация. И добрая воля** индивида. Поддерживается так. Если моральные поступки становятся массовыми, то **выгодность** такого поведения становится очевидной для общества. Оно дает мощную экономию средств, затрат сил» [2, с. 282].

Очевидно, что Болтун/Зиновьев объясняет появление феномена моральности в обществе социальных «одноклеточных» индивидов тем, что само нуждается в объяснении. Случайность — это (анти)социальное «чудо», говоря религиозным языком. Или мутация, говоря языком биологии. Но и то, и другое можно рассматривать как результат какого-то внешнего воздействия на человека-функцию. Как, например, появление того, кто именуется «нормальным человеком», что на самом деле тоже можно воспринимать как «чудо» в пространстве неотменимого действия социальных законов. Правда, стоит учесть, что Болтун говорит и о «доброй воле», то есть о некой внутренней инстанции, которую необходимо предполагать даже в полностью функциональном социальном индивиде.

И тогда выходит так, что «случай» и/или «мутация» — это не очень работающие объяснительные конструкции, требующие некоторого дополнения. И поэтому важен и второй момент, заставляющий обратить внимание на упоминаемую Болтуном «выгодность» морального поведения. Правда, этот аргумент от выгоды действует лишь в случае многократного повторения первоначально случайного казуса моральности. Кажется, мы попадаем в замкнутый круг, в котором первый случай проявления моральности остается необъяснимым.

Но можно допустить и ситуацию, в которой условный социальный (то есть по определению аморальный) индивид сталкивается со случаем, когда моральный поступок — скажем, сознательный отказ от причинения зла другому — представляется ему просто выгодным. Здесь намечается утилитаристская логика генезиса нравственности, которую всесторонне разработал Дж. Бентам. Но в первом зиновьевском социологическом романе эта логика развития не находит, как, впрочем, и в последующих текстах.

Есть, однако, версия, позволяющая объяснить зиновьевский парадокс появления моральной позиции в аморальном обществе. Ю. Солодухин связал этот момент с вопросом об объективности социального познания. Он пишет: «Достижение объективности в социальном познании Зиновьев обосновывает

следующим образом. Он считает, что в совокупности многообразных социальных позиций (ролей), задающих траекторию поведения в человекинике, есть такая позиция, которая предопределяет сторонне-объективный взгляд на социальную реальность. Это **позиция аутсайдера**, человека, который сознательно «очистил» свое сознание от доминирующих ценностей, господствующих целевых установок, отказался от жизни по правилам, навязываемым обществом. Это то, что в «Зияющих высотах» Зиновьев охарактеризовал как **неучастие в борьбе**. Иными словами, объективность в социальном познании требует занятия определенной **этической позиции**» [6, с. 104–105].

Здесь вопрос о морали возникает в большей степени в связи с позицией и ответственностью ученого, изучающего конкретное общество. Но в то же время предложено объяснение феномена рождения моральности именно там, где, казалось бы, моральность не предполагается а priori. Принцип «неучастника» — человека, **сознательно** избирающего позицию маргинала, социального «лузера», — открывает перспективу для иного способа «явления» морального субъекта, нежели соображения «выгоды». Персонажи Зиновьева, особо близкие ему по духу, не случайно обозначены им социально дисквалифицирующими кличками: Шизофреник, Неврастеник, Болтун, Клеветник. Они как минимум на определенной дистанции от «матрицы» той социальности, из которой полностью освободиться невозможно. Их маргинальность — это не только эпистемологическая презумпция «объективности», но условие становления моральности.

Этот феномен продуктивного лузерства А. Зиновьев с особым мастерством исследовал в таких романах, как «Иди на Голгофу» и «Живи». Герой первого, Иван Лаптев, — «человекобог», и уже поэтому он не такой, как все. Он может научить других тому, как добиться успеха, но ему самому этот успех совершенно не нужен. И он закономерно заканчивает свою жизнь в сумасшедшем доме.

Герой второго романа — безногий инвалид Андрей Иванович Горев по кличке Робот, сам предпочитающий эту кличку, а не обращение по имени или имени-отчеству. Его физически выраженная маргинальность естественным образом превращает его в морального субъекта, способного выйти за пределы повседневной суеТЫ остальных — «нормальных» людей. Правда, финальная сцена романа, в которой пьяный инвалид, сидящий на помойке, яростно крушит свои протезы, особого морального «оптимизма» не содержит. Но это общая стилистика всего художественного творчества Зиновьева (включая его живопись): мизантропический пессимизм в духе Экклезиаста: «Потому что во многой мудрости многа печали, и кто умножает познания, тот умножает скорбь» (Еккл. 1;18).

Но, прежде чем мы обратимся к таким ключевым для нашей темы книгам А. Зиновьева, как «Коммунизм как реальность» (1980) и «Гомо Советикус» (1982), стоит отметить следующее. Такие особо близкие к авторскому alter ego персонажи «Зияющих высот», как Шизофреник, Неврастеник, Учитель, пытаются строить не теорию конкретного — советского — социума, а универсальную науку об обществе как таковом — социомеханику. Хотя набор примеров, подтверждающих тот или иной принцип или закон этой социальной «механики», берется, естественно, исключительно из опыта жизни в СССР.

Но, оказавшись за пределами этой территории после высылки в 1978 г., А. Зиновьев уже вполне открыто и полностью осознанно приступает к тому, чтобы построить теорию именно коммунистического общества, в котором и вырастает особый тип человеческой особи — Человек Советский / Номо Sovieticus. Именно с этой целью он пишет научно-теоретический полностью авторский трактат «Коммунизм как реальность», а затем — социологический роман «Гомо советикус». И здесь генезис новой человеческой породы как априори исключающей моральность анализируется и рассматривается с большей основательностью. С одной стороны, это можно объяснить наличием на Западе — в Мюнхене, где А. Зиновьеву предложили профессорство в местном университете, — широкого спроса на объяснительные модели в отношении СССР и человека советского.

С другой же — можно предположить, что сработало есенинское «правило»: «лицом к лицу лица не увидать...» — правда, в парадоксальном варианте. А. Зиновьева вместе с семьей выслали за границу, позволив как бы дистанцироваться от «объекта изучения». Но при этом он оказался в сообществе других эмигрантов из того же СССР, которые, будучи в разной степени «антисоветчиками», несли на себе «родимые пятна» того самого человека советского, для которого он изобрел особое прозвище: «гомосос».

Теоретический трактат о природе советского коммунистического общества — это особый жанр, лишь структурно напоминающий социологический роман. «Коммунизм как реальность» разбивается на небольшие фрагменты-главки (как и «Зияющие высоты»), но при этом все они принадлежат самому автору — Александру Зиновьеву. Он выстраивает вполне научную (хотя и нестандартную по академическим правилам — отсутствие справочно-библиографического аппарата) концепцию коммунистического социума. Главной новацией по сравнению с экзерсисами персонажей «Зияющих высот», говоривших о «социальности» как таковой, становится введение понятия «коммунальность».

А. Зиновьев выделяет специфику советского социума в сравнении с социумом западным (капиталистическим) с помощью различения «коммунального» и «делового» аспектов. В первом — советском — социуме господствует принцип поглощения индивида коллективом, из-за чего любые «дела» здесь воспринимаются и исполняются как разновидность некой «семейственности». Во втором же — западном — вся, в том числе даже семейная, жизнь подчинена «деловому» принципу. В СССР индивид сам по себе — социальное «Ничто» («единица — ноль!» по Маяковскому). Он самоопределяется и получает функцию/смысл только в соответствии с позицией в «трудовом коллективе».

Таким образом, у А. Зиновьева получается, что одной из ключевых предпосылок его фундаментальной антропологии является теоретико-аналитическая «нулефикация» самого объекта этой отрасли знания. По крайней мере это верно в отношении советского социума. «Коммунистическое общество, — утверждает А. Зиновьев, — состоит не непосредственно из людей, а из коммун. И потому носителем личностного начала здесь является не отдельный человек, а целостный коллектив людей. Здесь лишь коммуна есть личность, а отдельный человек есть лишь кусочек личности или безликое условие личности» [3, с. 99].

Переводя человека в статус «безликого условия личности», А. Зиновьев радикально обостряет проблему морального измерения в обществе коммунистического типа. «Кусочек личности», целиком зависимый от «коллектива» — «коммуны», которая и есть «личность», не может быть автономным субъектом морального суждения. Самоопределяться в пространстве полюсов «Добра» и «Зла» здесь может только «коммуна». Да и то эта процедура самоопределения происходит автоматически — она вынесена «вовне»: полюс «Добра» а priori представлен «коммунизмом», тогда как полюс «Зла» — «капитализмом».

Но этот способ моральной идентификации через вынесение вовне не влечет за собой автоматического признания за каждым членом «ячейки» или «коллектива» статуса носителя высокой морали. Да, все строящие коммунизм моральны по определению. Но в логике Джорджа Оруэлла нужно признать, что хотя все «строители» моральны, некоторые из них — «более моральны». И для определения этих некоторых специально вводится «Моральный кодекс» строителя коммунизма, по сути своей мало чем отличающийся от библейского кодекса 10 заповедей.

Но реальный «строитель коммунизма» — советский человек, или гомосос, сложился совсем по другим «заповедям». И Александр Зиновьев постарался основательно исследовать генезис этого человека. Самая общая характеристика его такова: *«Гомосос не есть деградация. Это есть лишь временное отступление к основам человеческого существа с целью подготовиться к новому грандиозному скачку в развитии»* [4, с. 175].

Далее А. Зиновьев формулирует 10 пунктов, характеризующих гомососа как существо, «отступающее» к своим «основам», чтобы затем превратиться в сверхчеловека.

Первая позиция. Гомосос — это человек без убеждений. Убеждения, комментирует этот момент А. Зиновьев, «суть лишь компенсация за неспособность быстро и точно понять данное явление в его конкретности. Это априорные установки на то, как поступать в конкретной ситуации без понимания ее конкретности. Человек с убеждениями негибок, догматичен, зануден и, как правило, глуп» [4, с. 131].

Вторая позиция. Гомосос предельно гибок, не стесняется никаких противоречий, легко соединяет несоединимое. Собственно, для человека без убеждений это не составляет проблемы. «Я, — пишет автор/Зиновьев, — крайний реакционер, идущий впереди крайнего прогресса. Как это возможно? Для гомососа нет ничего невозможного» [4, с. 153].

Позиция третья. Впрочем, уточняет А. Зиновьев, все же кое-что невозможное для гомососа есть. Это вера в Бога: «Впитать в себя результаты величайшей революции в истории и достижения мировой науки, чтобы в конце пути превратиться в сына убогодочной православной церкви?! Что угодно, только не это!» [4, с. 155].

Позиция четвертая. Гомосос не имеет национальности, однако селекция этого существа началась с русских! Поскольку действие романа происходит в основном в пансионате, где живут эмигранты из СССР, то автор/Зиновьев считает нужным подчеркнуть, что «в этой эмиграции, сплошь состоящей из ярко выраженных гомососов, русских тоже раз-два и обчелся. Из этого не следует,

что русские не гомососы. Мы-то как раз и послужили той исходной основой, из которой великие селекционеры-коммунисты вывели современного гомососа. Но мы остановились на полпути к совершенному гомососу и погрязли в мелочном самоанализе. Другие народы опередили нас и в этом» [4, с. 158].

Позиция пятая. Отличительная черта гомососа, отчасти отмеченная выше, — способность не только менять убеждения, но совершенно искренне не считать это чем-то порочным. «Так что нелепо, — констатирует А. Зиновьев, — требовать от гомососа искренности. Он бы рад быть таким, но не умеет, ибо считает, что он всегда искренен. А если он готов одну искренность через минуту сменить на другую, так это не есть признак неискренности» [4, с. 172].

Позиция шестая. Моральное ли существо гомосос? Это непростой вопрос. Мы уже видели, что коммунальность связывает обитателя советского общества «ячеистой» структурой. Мы выяснили, что не индивидуальный человек, а коллектив является в этой структуре «личностью». В таких исходных условиях можно ли предположить появление субъекта морального выбора? А. Зиновьев разъясняет: «Но если человек поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали, то бессмысленно применять к его поведению моральные критерии. Человек в таких условиях самими условиями не просто освобождается от моральных норм, он освобождается от них в силу самих моральных соображений. Безнравственно требовать от человека быть нравственным, если нет минимума жизненных условий для того, чтобы от человека можно было требовать нравственности» [4, с. 174].

Позиция седьмая. Гомосос — это рефлекс и функция того типа социума, в котором он появился. Способность приспосабливаться к изменчивой среде, выживать там, где, казалось бы, выжить невозможно, — одно из базовых качеств гомососа. А. Зиновьев считает, что «неопределенность, текучесть, изменчивость, многосмысленность всего есть особенность советского общества. Оно состоит из желеобразных единиц и в целом есть нечто желеобразное. Это общество хамелеонов, само в целом являющееся гигантским хамелеоном. Нечто устойчивое и определенное гомосос находит в своем социальном окружении и в стечении обстоятельств» [4, с. 193].

Позиция восьмая. Присуща ли гомососу способность к пониманию своего общества? А. Зиновьев полагает, что нет, и вот почему: «Гомососы не нуждаются в понимании механизмов своего общества, так как это понимание не улучшает их способности жить в обществе. Они нуждаются в заблуждении, ибо оно оправдывает их неведение, уже определенное обстоятельствами» [4, с. 209].

Позиция девятая. Как гомосос смотрит на самый кровавый, самый трагический период в истории своей страны? А. Зиновьев приписывает гомососу способность изменить сам подход к эпохе Сталина, изменить ракурс рассмотрения. И отсюда построить концепцию фундаментальной реабилитации этой эпохи с исторической точки зрения. Он подчеркивает, что «сталинизм до сих пор рассматривали либо со стороны (глазами западных наблюдателей), либо с точки зрения личного аппарата власти Сталина и системы репрессий. Настало время посмотреть на сталинизм снизу, т.е. как на массовое явление, как на великий исторический процесс подъема миллионов людей с самых низов общества

к образованию, культуре, творчеству, активности. Много погибло, это верно. Но гораздо больше уцелело, изменило в корне образ жизни, поднялось, жило интересной, сравнительно с прошлым, жизнью. Это был беспрецедентный в истории культурный, духовный и деловой взлет огромных масс населения. Это был процесс творческий во всех основных аспектах жизни. Он еще не оценен по достоинству. Думаю, что нужны столетия, чтобы отдать ему должное со всей объективностью» [4, с. 280].

Позиция десятая. Неожиданно вопреки заявлению о том, что гомосос — это отход назад для будущего скачка далеко вперед, А. Зиновьев заявляет, что это существо уже есть высшая точка антропологической эволюции. И он создает иронически-патетический гимн Человеку Советскому: «Гомосос не есть деградация. Наоборот, он есть высший продукт цивилизации. Это сверхчеловек. Он универсален. Если нужно, он способен на любую пакость. Если можно, он способен на любую добродетель. Нет тайн, для которых он не нашел бы объяснения. Нет проблем, для которых он не нашел бы решения. Он наивен и прост. Он пуст. И он всеведущ и всесущ. Он преисполнен мудрости. Он есть частичка мироздания, несущая в себе все мироздание. Он готов на все и ко всему. Он готов даже к лучшему. Он ждет его, хотя не верит в него. Он надеется на худшее. Он есть Ничто, т.е. Все. Он есть Бог, прикидывающийся Дьяволом. Он есть Дьявол, прикидывающийся Богом. Он есть в каждом человеке» [4, с. 412–413].

Последнее предложение — самое существенное. Весь этот издевательский панегирик нужен именно для того, чтобы предупредить: человек как таковой изначально как бы «инфицирован» вирусом Homo Sovieticus. И потому задача каждого человека — не допустить развития этого вируса. Тут можно вспомнить любимого зиновьевского писателя — Антона Павловича Чехова, который всю жизнь «по капле выдавливал из себя раба». И не случайно Александр Зиновьев утверждает, что «взрачивание» породы гомососов началось именно с русских, хотя эксперимент этот успешно продолжился на других народах.

Так что успокаиваться и обольщаться рано. Советского Союза уже давно нет. Но «совковость» как фундаментальное качество человеческой природы никуда не делось. И эта мысль, похоже, не оставляла Александра Зиновьева до самой кончины. И не случайно за неделю до своего ухода в вечность он надиктовал такие слова: «Что происходит с Россией — страшно, но еще страшнее то, что происходит с человеком: он разрушен, он почти не существует. Еще появляются на свет отдельные индивидуумы, но человек как некое целостное образование, как явление, оказывающее влияние на ход исторического процесса, более не существует. Надо начинать с нуля. Начинать с нулевого уровня — с создания нового человека <...> Я вижу единственную надежду для человечества в том, что появится этот новый человек. Я надеюсь на чудо рождения этого человека. Я очень хочу, чтобы этот новый человек выжил, это моя самая заветная мечта. Если он не выживет — человечество не выживет» [7, с. 720–721].

Вопрос о том, создал ли все-таки Александр Зиновьев свою концепцию фундаментальной антропологии, не имеет однозначного ответа. Очевидно, что отдельного трактата на эту тему он не писал, но также очевидно, что, по сути, все его творчество в той или иной степени — это размышления о человеке. Для этих размышлений характерен особый рода мизантропический

пессимизм — взгляд на человека как на самое опасное (для самого себя не в последнюю очередь) существо в мире.

Основным источником этой опасности А. Зиновьев считал выявленное им у гомососа нежелание понимать свою социальную среду, то есть понимать самого себя. Этот «фактор непонимания» может сказаться фатально на судьбе самого человека как уникального вида живых существ, одаренного разумом. Завершая свою последнюю, можно сказать — итоговую книгу, он сделал грозное предупреждение: «Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости» [5, с. 521]. И к этому предупреждению стоит прислушаться, потому что человечество состоит из каждого из нас.

Библиографический список

1. Зиновьев А. Зияющие высоты. Книга первая. — М.: ПИК, 1990.
2. Зиновьев А. Зияющие высоты. Книга вторая. — М.: ПИК, 1990.
3. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. — М.: Центрполиграф, 1994.
4. Зиновьев А. Гомо советикус. Мой дом — моя чужбина. — М.: Приложение к журналу «Лепта», 1991.
5. Зиновьев А. Фактор понимания. — М.: Алгоритм, 2006.
6. Лепехин В., Солодухин Ю. Логика и методология Александра Зиновьева. — М.: КАНОН-ПЛИУС, 2022.
7. Фокин П. Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. — М.: Молодая гвардия, 2023.

References

1. Zinoviev A. Yawning heights. Book one. — M.: PIK, 1990.
2. Zinoviev A. Yawning heights. Book two. — M.: PIK, 1990.
3. Zinoviev A. Communism as a reality. The crisis of communism. — M.: Tsentrpoligraf, 1994.
4. Zinoviev A. Homo Sovieticus. My home is my foreign land. — M.: Supplement to the magazine "Lepta", 1991.
5. Zinoviev A. Understanding factor. — M.: Algorithm, 2006.
6. Lepekhin V., Solodukhin Yu. Logic and methodology of Alexander Zinoviev. — M.: KANON-PLUS, 2022.
7. Fokin P. Alexander Zinoviev. Prometheus rejected. — M.: Young Guard, 2023.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Conflict of interests. The author declares no conflict of interest.

Financing. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; F.M. Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities.